Рассмотрение всего текста Повести подтверждает эту мысль. Вся первая половина ее, посвященная военной стороне похода Игоря, написана со всеми характерными особенностями летописца Рюрика: перечень полководцев, маршрут, темп марша, донесения разведки, точнейшая дислокация полков, ход битвы, имена воевод и половецких ханов. К этому нужно добавить явную симпатию к Игорю и аристократическое тяготение к боярству («не бяхуть бо добре смялися с ковуи, но мало от простых», — стлб. 642).

Вторая часть Повести описывает действия Святослава Киевского по отражению похода Кончака на Среднее Поднепровье. Летописец, очень почтительный к Святославу, раскрывает события лишь по мере того, как о них узнает Святослав, как бы заставляя читателя сопутствовать великому князю в его поездке по домену, по городам своих вассалов и театру военных действий. Последний раздел (о плене и побеге) содержит резкие противоречия в тексте, плохо сглаженные редакторской рукой: так, мысль о побеге Игоря из плена названа то «благой», то «высокой» (т. е. горделивой, самонадеянной), то даже «высокой и неугодной господу». Следует вспомнить, что побег Игоря ухудшил положение всех оставшихся в плену: «...а они вси держими бяху твердо и стрегоми и потверженеми многими железы и казньми».[2]

Фрагменты текста, осуждающего задуманный побег, могут принадлежать только одному из предшественников автора Повести, так как противоречат всему ее духу (в ее окончательном виде). Из двух выявленных нами летописцев они могли принадлежать только летописцу Святослава.

Устами Святослава летописец уже выразил порицание Игорю за то, что он и его брат, «не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю». Упоминание «юности» применительно к тридцатипятилетнему князю, ставшему год спустя дедом, звучит, пожалуй, иронически. Остатками этого же сдержанно-недоброжелательного текста следует считать рассказ о привольной жизни Игоря в плену, резко контрастирующий как с описанием «лютой туги» в Северской земле, когда «мнозе печаловахуться и проливахуть же слезы за него» (т. е. за Игоря), так и с описанием положения других русских пленников, подвергавшихся истязаниям.

Итак, первый, самый обширный раздел Повести о походе 1185 г. следует связать с летописцем Рюрика, а второй (действия Святослава) и третий (побег) разделы — в значительной степени с летописцем Святослава.

Кем и когда были объединены эти разноречивые в своих оценках первичные летописные материалы? Редакторские вставки, иногда дополняющие, а иногда разрывающие основной текст, обнаруживаются во всех трех разделах. Все редакторские дополнения сделаны в пользу Игоря; иногда они нейтрализуют недоброжелательный тон используемых исходных материалов, порой усиливают рыцарственный и благочестивый характер речей Игоря, а кое-где парируют осуждения Игоря современниками за прошлые неблаговидные действия, даже не упомянутые в сохранившихся летописях, как например разгром городка Глебова.

В некоторых случаях редактор проявлял излишнее усердие в своем стремлении оградить князя Игоря от возможных упреков. Такова знаменитая фраза о «черных людях», которым будто бы угрожало предательство князей и бояр. Поводом для написания редактором этой фразы послужило, очевидно, неправильное понимание одного места в использованном им тексте Рюрикова летописца: «Се же видихом полки половецьки, оже мнози

[2] Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, т. I, вып. 2, Л., 1927, стлб. 400.